

Курасава А

«ЗВЕЗДЫ» МИРОВОГО КИНО

На планетарной площади Акиры Куросавы

Одним из главных событий 44-го Международного кинофестиваля в Каннах стал показ новой работы режиссера Акиры Куросавы. Фильм «Рапсодия в августе» входил в официальную программу, хотя не участвовал в конкурсе. — Я бы не хотел, чтобы в этом фильме видели лишь антивоенную тему, — сказал журналистам после просмотра А. Куросава. — Его смысл шире. Я хотел поговорить в нем о человеческой доброте, о необходимости помнить прошлое и понимать своих близких, обо всем том, что делает человека по-настоящему человеческим. Этой же теме посвящен и предыдущий, во многом автобиографический фильм «императора японского кино» «Сны». Он рассказывает о ночных видениях великого режиссера, его самых сокровенных мыслях — о жизни, смерти, ужасах атомной войны, природе. В интервью испанскому еженедельнику «Камбио-16» А. Куросава рассказывает о своих

работах, о картине «Сны», о кино вообще, о попытке самоубийства и о понимании неизбежности смерти. Это интервью мы перепечатываем с некоторыми сокращениями.

Сов. культура. — 1991. — 8 июля. — с. 14

— Скажите, сон японца отличается чем-то от сна испанца или француза?

— Нет. Это зависит от личности, а не от национальности. Мне кажется, сны каждого своеобразны. Один их не видит вообще, другой их не помнит, у третьего все окрашено в черно-белый цвет. — Ваши сны всегда цветные? — Всегда.

— Сны, о которых вы рассказываете в своем фильме, увиденны вами недавно?

— Это сны разных периодов моей жизни. Некоторые — первые два — очень давние, еще из детства, но я их хорошо помню. Другие относятся к разным периодам моей «взрослой» жизни. Все эти сны я «подарил» главному герою картины.

— Когда вы увидели сон, который в фильме назван «Метель»?

— Когда мне было 30 лет, во мне жил страх. Даже природа пугала меня. Я постоянно ощущал хрупкость человеческого существа. В снах я видел себя на краю гибели. Это

продолжалось довольно долго.

Что же касается снежной феи, то это японская легенда: фея появляется, когда кто-то должен умереть. В свое время и я видел ее.

— Кто та девочка, которая появляется во втором сне — «Персиковый сад в цвету»?

— Этот образ — память о моей сестре, умершей, когда я был еще ребенком. Ее звали Мимойо (Персик). Одна из героинь фильма, похожая на нее, говорит: «Мы — душа персикового сада».

— Скажите, вас не пугает то, что вы сделали такой личный фильм?

— Это правда, что фильм личный. Но нет, это не пугает меня. Это очень увлекательно.

— Жизнь и ее разрушение — главная тема двух последних снов вашего фильма?

— Я никогда не делаю фильмов «на тему». Я живу в современной Японии, которая подсказывает мне различные идеи, воплощающиеся в моих снах. Мое кино — не тематическое, это кино чувств. А те сны, о которых вы говорите, —

последние из виденных мною.

— Действительно ли вы боитесь массовой гибели японцев в результате ядерной катастрофы?

— Я не считаю себя пессимистом, но необходимо смотреть правде в глаза. Настоящий пессимист тот, кто предпочитает ничего не видеть и не знать. Многие японцы не желают говорить о возможной ядерной катастрофе. Надо уметь видеть дальше своего носа. У нас масса проблем, которые мы должны решить. В Японии слишком много атомных электростанций, создающих реальную угрозу для страны. Эта угроза и дала импульс моим последним снам.

— В седьмом сне вы рассказываете о гибели рода человеческого...

— Если погибнет природа, то погибнет и человечество. К сожалению, сегодня это одна из насущнейших проблем, стоящих перед нами.

— В фильме вы рассказываете об ужасах японского милитаризма. Вы считаете, что вашим соотечественникам нужно

знать правду о покойном императоре Хирохито и о современной истории Японии?

— Людей нужно заставить узнать правду, однако очень рискованно делать фильм об императоре. Правые экстремисты этого не потерпят.

— Старик в последнем сне — это вы сами?

— Этот старик мне приснился. Он персонаж «ноо» — традиционного японского театра. Ему 103 года, а мне только 80. Хотел бы я прожить столько, сколько он, и умереть, как он. Старик, который прожил большую жизнь, — это пример того, как надо умирать, прожив жизнь, полную трудов и добрых дел.

— Оказала ли на вас какое-то влияние концепция снов Достоевского?

— Она вдохновила меня. Достоевский говорит, что чувства человека высвобождаются в снах, во сне человек обнаруживает великий созидательный талант. Произведения Достоевского навели меня на мысль о моих собственных снах. Я описал один из них, затем второй, третий... И так дошел до одиннадцатого. Мои друзья, прочитав эти описания, уговорили меня снять фильм.

— Но почему в него вошло только восемь снов?

— Дело в том, что три сна были чисто сюрреалистическими. Их было очень трудно снимать как по техническим, так и по финансовым причинам, да и фильм получился бы слишком длинным.

— Пресса называет «Сны» фильмом-завещанием мастера Акиры Куросавы.

— Это журналистские штучки. Ведь еще не снято столько фильмов. Вот я закончил «Рапсодию в августе». Эта картина основана на одном из японских романов и повествует о смерти старухи. Он вышел на экраны в этом году.

— В своей книге «Подобие автобиографии» вы говорите о себе, как о слабом человеке, надевшем маску силача. Это на самом деле так?

— Действительно, я слаб физически. Делая гимнастику, я не поднимую штангу. Но духовно я не чувствую себя слабым.

— Почему вы, человек, обладающий такой жизненной силой, попытались 20 лет тому назад покончить с собой? Что привело вас к этому трагическому решению?

— Была болезнь, имя которой — депрессия. Так говорили врачи. Она проходит, и человек вылечивается.

— Какой была ваша первая встреча с кинематографом?

— С детства отец водил меня в кино, однако первым кинопотрясением стал фильм «Улица» Абеля Ганса.

— Не мешает ли вам то, что на родине, в Японии, ваши фильмы встречают без энтузиазма?

— Я обожаю кино. И независимо от того, поддерживают меня в моей стране или нет, я буду снимать. К тому же в Японии у меня есть свой зритель. Правда, остальные меня терпеть не могут. Не знаю почему — им же хуже. Но как бы то ни было, мой новый фильм — «Рапсодия в августе» — впервые за последние 20 лет создан моими соотечественниками.

— Возможно, японцы не понимают ваших фильмов?

— Нет. Их раздражает моя известность за рубежом, японцы этого не любят. Всегда находят люди, которые видят дефекты даже в самом совершенстве.

— Вы говорили, что до сих пор не постигли сути кино. Когда, думаете, вам удастся это сделать?

— Я говорил, что полностью не постиг сути кинематографа. Это значит, во всех моих фильмах есть только три или четыре фрагмента, которые можно назвать настоящим кино. Я хочу создать фильм, который весь будет таким, настоящим.

— Сколько настоящих фрагментов в ваших последних фильмах?

— Судить об этом — дело зрителей. Если кино им нравится, они такие фрагменты чувствуют.

— Существует ли нравственная этика кинематографиста?

— Зритель приходит в зал получать удовольствие. Я всегда честен в своих картинах, но фильм — это не нечто однообразное, он многогранен. Главное — быть верным самому себе, своему делу. Здесь нет ничего общего с политическим компромиссом.

Кино — это что-то фантастическое, это та всемирная площадь, на которой встречаются самые разные люди, с их горестями и радостями, воспоминаниями и надеждами. Кино объединяет людей — и в этом его главная сила.

Перевод
Д. ЗЛОДОРЕВА.

● Акира Куросава.
● Кадр из фильма «Сны».
Фото из журнала
«Камбио-16».